

Традиционные представления об образовании и образованности как компонент интеллектуального потенциала региона (на материале восточнославянских народных волшебных сказок Сибири и Дальнего Востока)

Татьяна Владимировна Краюшкина,

доктор филологических наук, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: kvtp@yandex.ru

В статье рассматриваются традиционные представления восточнославянских этносов об образовании и образованности мужчин и женщин в свете межличностных отношений как компонент интеллектуального потенциала региона. Материалом для анализа послужили восточнославянские региональные народные волшебные сказки, зафиксированные на территории Сибири и Дальнего Востока за 100 лет (с третьей трети XIX по третью треть XX вв.). В статье исследуются компоненты образования и образованности, присущие народному восприятию.

В сказках родители стабильно учат родных и приёмных сыновей. При этом в школу ходят только дети персонажей с высоким социальным статусом, зачастую купеческие сыновья. Говорится в волшебных сказках только об обучении в школе мальчиков, об учёбе девочек упоминается крайне редко. Пользу, которую может принести обучение, понимают лишь персонажи-мужчины. В сказках превалирует элементарное представление об образовании и образованности мужчин и женщин, присущее крестьянству. Из проанализированных региональных текстов очевидно, что в традиционном восприятии восточнославянских этносов навыки чтения мужчинам более необходимы, чем владение письмом, для женщин же более значимым оказалось второе. Навыки письма и чтения помогают мужчинам и женщинам доносить до других и получать информацию о произошедших, происходящих или могущих произойти в будущем событиях.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, межличностные отношения, мужчина, женщина, восточнославянские народные волшебные сказки, региональный фольклор, образование, образованность, традиционные представления.

Traditional ideas about education and erudition as an element of intellectual potential of the region (case study of East Slavic folk fairy tales of Siberia and the Far East).

Tatyana Krayushkina, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: kvtpb@yandex.ru.

The article deals with traditional notions of East Slavic ethnic groups about education and erudition of men and women in interpersonal relationships as an element of intellectual potential of the region. The study is based on East Slavic regional folk fairy tales of Siberia and the Far East over the last hundred years (from the last third of the 19th century until the last third of the 20th century). The paper studies the components of education and erudition, inherent in the people's perception.

Parents teach biological and adoptive sons consistently in fairy tales. Only the children with high social status go to school, mainly merchant sons. The fairy tales tell only about teaching boys at school; education of girls is rarely mentioned. Only male characters can understand the benefit of studies. The elementary representation about education and erudition of men and women typical for peasantry is presented in the fairy tales. The analysed regional texts show clearly the following traditional perception of East Slavic ethnic groups: reading skills are more important for men than writing; writing is more significant for women. The skills of reading and writing help men and women to inform others and to get information about past, present or future events.

Keywords: intellectual potential, interpersonal relations, man, woman, East Slavic folk fairy tales, regional folklore, education, erudition, traditional ideas.

Устное народное творчество является собой уникальным памятником народного мировосприятия. Формировавшееся на протяжении веков, избирательно сохранявшее старые и усваивавшее новые представления о человеке и окружающем мире, оно стало самобытным хранилищем народной мысли [4]. Памятники фольклора становятся тем механизмом, с помощью которого передаётся из прошлого через настоящее в будущее уникальный комплекс представлений о человеке, в частности — о межличностных отношениях (что является одной из составляющих психологии этноса, отличающей его от других народов, показателем его неповторимости).

Цель данной статьи — выявить особенности функционирования представлений восточных славян об образовании и образованности мужчин и женщин, зафиксированных в волшебных народных сказках, как компонент интеллектуального потенциала региона (в свете межличностных отношений). В круг задач входит определение составных элементов понятийного ряда образования и образованности и их наполненности в народном представлении, отражённых в сказочном региональном

фольклорном фонде (среди них — образование и отношение к учёбе старшего и младшего поколений, уровень образования, письмо и чтение как ведущие признаки образованности).

Тематика данной статьи актуальна, во-первых, с позиции собственно научной: до настоящего момента тема образования и образованности в свете межличностных отношений в региональном сказочном фольклоре не изучалась. Во-вторых, прикладное значение данной работы может быть прочитано с позиции разрушения негативных стереотипов о восточнославянских этносах, сформированных представителями других народов (в т.ч. стереотипа о русских как о диком, необразованном народе). В сознании современного человека фольклор — забытое явление прошлого, выдумка, не стоящая внимания; однако при тщательном рассмотрении он выступает в роли достоверного источника знаний об этносе. Образцы устного народного творчества сохраняют и доносят до наших современников неискажённые представления о народе, его менталитете и круге ценностей, значимыми среди которых являются образование и образованность.

В-третьих, актуальна тематика статьи и для такого значимого для современной гуманитарной науки поля исследования, как интеллектуальный потенциал. Выделяют четыре составляющих интеллектуального потенциала: научный, образовательный, инновационный и культурный [1, с. 76]. «Образовательный потенциал участвует в создании и использовании знаний. Его компонентами являются возможности обучающихся, фонд действительных знаний, обобщённость мышления, темпы продвижения в обучении», — пишет О.Н. Альхименко [1, с. 78]. Эта же исследовательница даёт следующее определение культурному потенциалу: «Под культурным потенциалом следует понимать способность системы соответствовать запросам общества в целях повышения его морально-этического и духовного уровня. Он отражает специфику каждого отдельного региона, страны, его исторически обусловленные признаки. Продуктом культурного потенциала является духовная культура, и именно она пробуждает, поддерживает и развивает в человеке личность. Предназначение культурного потенциала выражается в следующих целях: преобразование мира, познание мира, обеспечение условий общения, регулирование деятельности и поведения, установление и поддержание системы ценностей» [1, с. 78]. Как достояние субъекта культуры определяет культурный потенциал Т.А. Зайцева [2, с. 117], она же предлагает рассматривать этот феномен с двух позиций — деятельности и ценности, — указывая на его способность изменяться: «...культурный потенциал способствует реализации функций культуры» [2, с. 117].

На наш взгляд, не менее значима та составляющая культурного и образовательного потенциала, которую сложно исчислить — она существует в другом измерении, за гранью математического подсчёта. Представляется,

что компоненты интеллектуального потенциала — культурный и образовательный потенциал — следует мерить тем мерилом, что присущ этим отраслям знаний: количественный показатель не может определить и охарактеризовать систему во всей её полноте. Поэтому мы вновь возвращаемся к традиционной культуре, именно она содержит и достоверно транслирует исконный культурный и образовательный потенциал конкретной нации, конкретного региона.

В качестве материала для анализа выбраны записанные в Сибири и на Дальнем Востоке восточнославянские народные волшебные сказки примерно за сто лет: с третьей трети XIX по третью треть XX вв. Необходимо оговориться: мотивы образования и образованности находятся на периферии мотивного фонда. На основе этого незначительного использования мотивов мы и попытаемся воссоздать традиционное представление восточнославянских этносов об образовании и образованности мужчин и женщин, переданную в сказочном волшебном региональном фонде.

Межличностными отношениями, вслед за специалистами в области психологии, мы будем называть «объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми. В их основе лежат разнообразные эмоциональные состояния взаимодействующих людей и их психологические особенности» [3, с. 270], проецируя это определение на взаимоотношения персонажей.

Информация об образовании и образованности в волшебных народных сказках представлена весьма отрывочно. Родители стабильно учат родных детей. Посещают школу только дети персонажей высокого социального статуса, как правило, купеческие: «*Этот сын учиться ходит в школу*» [6, с. 288] (532 *Незнайка*). В сказке обозначается возраст, в котором ребёнка отдадут в школу — как правило, это 7—8 лет. У помещика родился сын, «*<...> он вырос лет до восьми, стал ходить в училище, стали учить в училище его*» [5, с. 159] (300А *Бой на калиновом мосту*). При этом возраст не всегда конкретизирован. Так, в купеческой семье «*ребята подросли и стали в школу ходить*» [5, с. 219] (567 *Чудесная птица* и 300А *Бой на калиновом мосту*). Положительные персонажи и учатся хорошо, при этом учёба не занимает главное место в жизни ребёнка. Её посещение — одно из череды занятий: «*Пришло время, родители отдали Ваню в школу. Учился он хорошо; как отучится, так и бежит к коньку повидаться*» [6, с. 224] (532 *Незнайка*).

Один из показателей отношения к приёмному ребёнку как к родному — его обучение в школе, на этом делается специальный акцент. Стрательность в учёбе становится своего рода «усилителем» любви приёмных родителей к ребёнку. Купец, имеющий родного сына, берёт к себе сиротку. «*Ну, растут, конечно, их. Стали учить грамоте. А в грамоте стали учить, стало заметно, што этот Котома в грамоте пушише*

идёт. Шибко стала ему грамота даваться. И стали его родители пушше любить. Пожалуй, пуще, чем своего» [7, с. 78] (**519 Слепой и безногий**). Положительно оценивается в волшебной сказке продолжительность обучения: *«Вот учились оне долгое время. Вот Котома уже стал семнадцати лет, а тому уж двадцать лет и всё ещё в грамоте учатся»* [7, с. 78] (**519 Слепой и безногий**).

Царь забирает к себе во дворец бывшую служанку и рождённых ею трёх чудесных богатырей. Изъявляя желание отдать богатырей в училище, спрашивает их о возрасте (те отвечают, что им четвёртый год). Восхваление образования и той пользы, которую оно принесёт, исходит из уст обладателя высокого социального статуса — самого государя: *«Даже молодые вас в училище отдавать, но всё-таки отдам в училище вас: грамотные можете всё сообразить и больше будете иметь в голове»* [5, с. 65] (**301А Три подземных царства**, **300В Бой на калиновом мосту** и **302₁ Смерть Кащея в яйце**).

Пользу, которую может принести обучение, понимают персонажи и низкого социального статуса, они пытаются донести её до себе подобных. Один пьяница дарит другому волшебную курицу: *«И вот она будет тебе нести золотые яички, <...> будешь их продавать да жить, да детей кормить и в школу ондавать будешь. И выучишь их, оне будут у тебя люди»* [7, с. 101] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). Когда финансовое положение в семье улучшается, детей действительно начинают учить: *«Детей ондали в школу, ходют в школу, учатся»* [7, с. 104].

В восточнославянских волшебных сказках обычно говорится только об обучении в школе мальчиков. Обучение девочек упоминается крайне редко: царевны, купеческие дочери и крестьянки наук, как правило, не знают. О посещении ими школы не упоминается вовсе: если девочек и учат, то делают это на дому. Весьма редкий случай, когда в волшебной сказке сообщается об обучении девочки: учат её потому, что она находится в непростой жизненной ситуации. Царь запирает дочь в подземный дворец, чтобы она не видела мужчин. *«Жила она там и не знала, что есть на свете белый свет. Учили её там учителя, выучилась она читать и попросила книгу. И один учитель сжалился над ней и дал ей интересную книгу. Она её прочитала и узнала, что есть белый свет. И стала она у мамок и нянек расспрашивать и проситься на волю, а те испугались и рассказали царю»* [9, с. 39] (**301D* Солдат находит исчезнувшую царевну** и **318 Неверная жена**). Обучение для царевны — своего рода развлечение, от которого не ожидается пользы в будущем. В результате чтение книги приводит героиню к беде. Царь решает выпустить дочь из подземного дворца, она селится в доме, однако потом, гонимая любопытством, поднимается на корабль, который и похищает её. Обучение в школе крестьянских сыновей и дочерей

не отражено в волшебных сказках, но, если того требует развитие сюжетной линии, персонажи-крестьяне вдруг оказываются читающими и пишущими.

Не всем сказочным персонажам приписывается хорошее отношение к учёбе. Нежелание учиться — одна из характеристик, используемая для создания негативного образа. В сказке обыгрывается мотив изгнания героя из-за непослушания родителям: *«У одного помещика был один сын, учился он в школе. Вот, значит, он отбился, родителей не стал слушаться, учиться он бросил. Родители стали его принуждать, но и это не помогло. Отец и мать решили его выгнать. Он решил идти путешествовать»* [6, с. 267] (**532 Незнайка**).

Об уровне образования персонажей в волшебных сказках, как правило, не сообщается: очевидно, такая информация не представляет ценности для традиционного мировосприятия. О высоком уровне образования персонажей говорится только в тех ситуациях (надо отметить, весьма редких), когда это необходимо. Знание иностранных языков наряду с быстротой усвоения знания в одной из сказок является показателем высокого уровня образования. Применение образования персонажами, как правило, носит утилитарный характер: иной ценности хорошее образование в традиционном восприятии не имеет. При этом о владении иностранными языками в сказках говорится крайне редко. Демонстрация знания других языков изображается как само собой разумеющееся действие, в данный момент необходимое герою. Царевич улетает на деревянном орле в другую страну. Сначала герой здоровается по-русски. *«Старик молчит; начал говорить по-немецки, старик молчит; начал говорить с ним по-французски — старик начал говорить»* [7, с. 239] (**575 Деревянный орёл (голубь)**).

Высокий интеллект мальчиков расценивается как везучесть: *«Отдали их в училище, им так везло — никогда им не надо было два раза повторять, всё у них готово. Три—четыре года прошло, могли на всех землях на всяком языке какой разговор понимать: видеть, хорошего образования»* [5, с. 65] (**301А Три подземных царства, 300В Бой на калиновом мосту и 302₁ Смерть Кащей в яйце**).

Об обучении игре на музыкальных инструментах в волшебных сказках тоже не сообщается. Но зато говорится о самой игре, что также носит утилитарный характер. *«Когда отец купил ему орган на двенадцать голосов, он садится на ём играть, играет и сам нежно припевает, и хозяин [со] своей жаной не может над ём налюбоваться. Чем дальше, тем больше, стал народ оборачиваться в эту гостиницу»* [7, с. 241] (**575 Деревянный орёл (голубь)**).

Наличие навыка картографии приписывается взрослому персонажу — талантливому мастеру-пропойце. Умелец, смастеривший деревянного орла, хочет подняться в небо и нарисовать план белого света для царя:

«Теперь, ваше императорское величество, позвольте двадцать четыре листа бумаги, перо и чернильницу (планы-то будет сочинять)» [7, с. 238] (575 *Деревянный орёл (голубь)*).

Весьма популярным в восточнославянских народных волшебных сказках является написание и чтение документов, предназначенных для общего пользования. Чаще всего эти документы именуются афишами, хотя встречаются и другие названия. Право оглашать их народу приписывается царю. В объявлениях зачастую сообщается о пропаже царевны или царицы. Фома приходит в избу атамана и видит висящее на стенке объявление. Сам его не читает, а спрашивает у атамана, что же там написано, тот пересказывает содержание: «*Наш царь разослал указ <...>: если найдётся в русской земле богатырь, который царского богатыря в поединке победит, за того царь дочь свою замуж отдаст и полцарства впридачу отвалит*» [7, с. 322] (1640 *Фома Беренников* и 301А, В *Три подземных царства*).

В афишах сообщается и о поиске жениха. Царь «дал публикацию по всему по своему городу» [6, с. 53] (530 *Сивко-бурко* и 530А *Свинка золотая щетинка*), желая найти жениха для дочери. В этом в случае, даже если инициатива исходит от царевны, право публиковать афиши всё равно принадлежит государю. Царевна отдаёт отцу приказание разослать «во все стороны афиши, кто найдётся на её жених, храбрый богатырь и к ней заскочит на двенадцатый этаж, её поцалует <...> и тот будет её жених» [6, с. 32] (530 *Сивко-бурко* и 532 *Незнайка*). В сказке обозначается адресат, однако само прочтение документа остаётся за рамками текста: «Получили все разные купцы, хресьяне, господа и все захотели посмотреть, как это кто на балхон к ей заскочит» [6, с. 32]. В народном представлении, как видно из текстов волшебных сказок, более значимым является право информировать (соответственно, публиковать афиши), о самостоятельном их прочтении персонажами — гражданами государства — не упоминается. Из формулировки не всегда понятно, сами персонажи читают афишу или же слушают, как это делают другие: «Опеть афиши, объявления: кто достанет до неё на коне, за того и выйдет замуж» [7, с. 309] (530А *Сивко-бурко*). Хотя в некоторых текстах говорится и о самостоятельном чтении афиш персонажем. Герой читает объявление, на которое натывается, гуляя по городу: «<...> видит афишу — объявление: император ищет себе садовника» [7, с. 162] (560D* *Юноша получает чудесный мешочек*, 532 *Незнайка*, 508 *Благодарный мертвец* и 300₁ *Победитель змея*). Изредка публикация афиш затрагивает не только внутренние дела царской семьи, но и дела государственные. Царевна завладевает способностью своего жениха харкать золотом и плевать серебром. «И давай объявление народу писать, што теперь вечно народ не будет налогу платить, пока Марфида-царевна жива <...>» [7, с. 114] (567 *Чудесная птица*, 518 *Обманутые черты (лешие)* и 449 *Царская собака (Сиди-Науман)*).

Персонажи, пытаясь сохранить в тайне важную информацию, общаются друг с другом при помощи писем и записок. Герой решает свататься к Марфиде-царевне: «*Вот поутру встаёт Саша, пишет письмецо и отправляет старушку с письмецом к Марфиде-царевне*» [7, с. 112] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). Сказка изображает воздействие написанного на царевну: «*<...> Марфида-царевна это письма взяла, как прочитала — все члены у ей оторвались и упали*» [7, с. 112]. После царевна выходит замуж за героя. Старушка, у которой тот остановился, подглядывает за ним и передаёт царевне важную информацию: «*Старушка как смекнула, откуда он деньги берёт, взяла и, как она была знакома Марфиде-царевне, написала письульку <...>*» [7, с. 113].

В другой сказке повествуется о похищенной Кощеём женщине. Сын, найдя мать, общается с нею при помощи записок: «*<...> и опять сын записку наладил:*

— *Спрашивай пушше, где смерть*» [7, с. 173] (**222В Мышь и воробей** и **302₁ Смерть Кащея в яйце**). Мать узнаёт у Кощея, где находится его смерть. «*Она взяла всё это списала на гужку и послала сыну с горнишной. Сын получил эту записку, весьма рад сделался*» [7, с. 174].

Помощник даёт герою письмо и отправляет его к своей сестре. По сути, письмо выполняет здесь функцию опознавательного знака. Более подробно функция письма в тексте не обозначена. «*Вот на тебе письмецо и иди, куда глаза глядят. Долго ли, коротко ли ты пройдёшь, увидишь терем. В тереме на лавочке будет сидеть моя сестра <...>. У ней есть двенадцать жеребцов медных, гривы серебряны. Хоть их ей и жалко будет отдать, но по просьбе братовой она их тебе уступит*» [5, с. 181] (**707В* Бова-королевич**).

В волшебных сказках упоминается и о таком средстве обмена письмами, как голубиная почта (переносить письма может трясогузка). Мать Солнышка обманывает своё дитя, желая узнать ответы на вопросы, за которыми пришёл Иван. В ответ Солнышко спрашивает:

«— *А ты как же это можешь, мамаша, знать?*

— *Да плсточка прилетела, у ей ко хвосту записочка была привязана. Она записку-то обронила, я и прочитала*» [6, с. 194] (**531 Конёк-горбунок** и **460В Путешествие к солнцу**). Довольно часто записки переносят звери, например заяц. «*Снаряжает сразу зайчика, пишет записку и привязывает её на шею и отправляет к старшей царёвой дочери, чтобы она отправила пирог, который будет кушать только царь*» [5, с. 181] (**300А Бой на калиновом мосту** и **303 Два брата**).

Кроме афиш и писем, в сказках говорится о чтении информации, зафиксированной на других носителях, которые могут являться обыденными предметами нашего мира. К таким, например, относятся надписи перед развилкой дорог (на камне или столбе), информирующие о том, что

ожидает прочитавших в будущем, если они изберут ту или иную дорогу. Так, братья уходят из дома: «Как раз на расстанье столбик. На столбике написано: „Кто по правой дорожке пойдёт, тот будет царём, кто по левой пойдёт, тот прекрасную Марфиду-царевну замуж возьмёт“» [7, с. 109] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). Информацию на столбе может оставлять и сам герой, в этом случае она предназначена для чтения потенциальному противнику. Например, когда персонаж едет биться за руку царевны и по дороге оставляет информацию о себе: «Вот Фома едет и на каждом верстовом столбе пишет: „Здесь проехал могучий богатырь Фома“» [7, с. 323] (**1640 Фома Беренников** и **301А, В Три подземных царства**).

Надписи на предметах могут иметь конкретного адресата, но при этом быть общедоступными. К такого рода чтению относятся надписи на пироге. Прочитанное сразу же осуществляется. Герой печёт для царевны пирог с надписью: «Царевна! Ни за кого не выходи замуж, кроме Незнаюшки!» [7, с. 317] (**532 Незнайка**). Царевну выдают за мнимого освободителя. «Поднесли им пирог. Царевна как прочитала надпись, поднялась и говорит царю:

— Ни за кого замуж не пойду! Пойду за Незнаюшку!» [7, с. 317—318] (**532 Незнайка**).

Надпись на предмете может и не иметь конкретного адресата, а только свидетельствовать о содержимом самого предмета. Кашшеиха зачинает от любовника дитя, помещает его в бочонок и делает надпись. Герой видит вещий сон и отправляется на пристань. «Ну, зловил он этот бочонок, видит литера, што не хрешишное чадо, схватывают этот бочонок и везёт домой к жане» [7, с. 170] (**222В Мышь и воробей** и **302₁ Смерть Кашея в яйце**). В бочонке находится ещё одна записка — «што от орла-царевича прижитки» [7, с. 170]. Приёмные родители долго скрывают от героя его происхождение, но оно перестаёт быть тайным после того, как случайно обнаруживает бочонок «<...> и увидал этот бочоночек и прочитал эти литера самые» [7, с. 171].

Покрытыми надписями в волшебных сказках оказываются и чудесные предметы. Таким образом они сужают круг персонажей, которые могут ими воспользоваться, до владеющих навыком чтения. Приказчик узнаёт важную информацию, написанную на курице: «<...> крылья расширил, смотрит — на крыльях написано золотыми буквами: „Кто от этой курицы съест голову, тот будет царём, кто потрох съест, тот будет плевать золотом и серебром“» [7, с. 106] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). Надпись на другой чудесной курице гласит: «<...> кто её съест, тот делается богатырём» [5, с. 219] (**567 Чудесная птица** и **300А Бой на калиновом мосту**).

В другой сказке упоминается неграмотность персонажей, бьющихся за чудесные предметы. Герой встречает трёх человек, которые делят между собой три находки — волшебный бочонок, ковёр и бич, Все предметы имеют надписи, которые гласят, что ковёр обладает способностью летать, бич — превращать девицу в кобылицу. *«Эти мужички были люди неграмотные, тёмные. На этом бочонке была надпись надписана, надрезана: „Тулок разоткни и туда пореви. Сколько тебе войсков надо, столько войсков и появится“»* [7, с. 115] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**).

Незначительное место в сказочном фольклорном фонде Сибири и Дальнего Востока отведено чтению — оно обычно не носит развлекательного характера, а связано с получением важной информации (например юридического характера). Документ выступает авторитетным источником, к которому обращается глава государства. Царевич не может выбрать из трёх потенциальных невест ту, которая будет полезнее прочих. Отец успокаивает сына: *«<...> посмотрю я в законах, котору предлежит нам взять, котора девица гля нас дорожее»* [7, с. 58] (**707 Чудесные дети** и **707* Щенок-богатырь и чудесные дети**).

Книгам приписывается защитная функция: чтение защищает героя от страшной смерти, которую могут причинить персонажи, принадлежащие иному миру. В подобном случае чтение волшебной книги является задачей, поставленной другим персонажем. Девушка учит солдата, как тот может помочь ей освободиться: *«<...> у старика есть такая книга, старая книга, ты у его возьми эту книгу и приходи сюда. На тебя будут и змеи лететь, и звери, и деревья — все, ты сиди, читай, не бойся»* [5, с. 252] (**475А* Солдат в работниках у чёрта в аду**, **400В Царь-девица**, **508 Благодарный мертвец** и **300А Победитель змея**).

Герой, приплывший в другое государство, соглашается дежурить ночью в церкви за своего дядю. Помощник учит его: *«Когда придёшь в храм, ты кругом очерти круг. А вот тебе книга (Серёжа был грамотный), эту книгу читай»* [8, с. 129] (**307 Девушка, встающая из гроба** и **507 Благородный мертвец**). Ночью мёртвая царевна оживает и начинает летать по храму, пытаясь сожрать героя, но его спасает чтение книги. В которых сказках с подобным мотивом книга даже обозначена — это Евангелие.

Отражено в сказках и использование навыка письма, связанное с индивидуальностью почерка, например, подписание документа. Этим правом обладает царь. *«Ставите меня царём, дак я могу только подписывать — решать должен народ»* [7, с. 111] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). Слово царя, точнее его подпись, оказывается решающей. *«Ну и вот, хорошо пошло царсво. Народ что решит — Петя подпишет»* [7, с. 111]. Царевна обладает способностью письменно подтверждать вступление в брачные отношения:

герой требует подписи самой царевны, хотя она и отправляет сначала подписаться вместо себя своего дядьку: *«Тут должон не дядька расписываться, а сама ты! Дядька уже расписывался. Вот она, роспись-то, у меня в кармане, а вот тепере ты распишись»* [7, с. 117].

Подписанное слово, согласно традиционному представлению, нельзя нарушить. т.к. персонажи берут на себя письменно зафиксированное обязательство. Два брата, оставаясь неузнанными, приезжают домой. Их отец просит гостей рассказать что-нибудь интересное, но сначала братья хотят взять с матери и приказчика расписки:

«— Пусть подпишутся, чтоб слова не перебивать.

Ну, подписались оне. <...>» [7, с. 118] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). Персонажи, которых вот-вот обвинят в убийстве, периодически вскакивают и перебивают героев, но их действия пресекают: *«Вы подписку дали»* [7, с. 119].

В других случаях речь идёт об идентификации почерка: именно благодаря ему персонажи узнают, что герой, считавшийся убитым, жив. С помощью чудесного бочонка он создаёт войско, отправляет к Марфиде-царевне очередное послание. *«Она сразу руку-то узнала: Ох! Это Санька! Как же он жив остался?»* [7, с. 116] (**567 Чудесная птица**, **518 Обманутые черти (лешие)** и **449 Царская собака (Сиди-Науман)**). По почерку героя узнаёт не только антагонистка, но и невеста: *«Разворачивает королевна записку — Ивана-царевича почерк. А его считали погибшим. Тут братьев разоблачили»* [7, с. 181] (**301А, В Три подземных царства**). В этом случае почерк служит заменой кольца, платка или другого опознавательного знака.

Итак, отражённые в фольклорных текстах мотивы образования и образованности мужчин и женщин — своего рода калька этих представлений в традиционном восприятии восточнославянских этносов, воспроизведённая в трансформированном виде в силу ряда причин, среди которых: влияние специфики фольклорного жанра, ограниченность рамками развития сюжетной линии, не преодолённая относительной многочисленностью сюжетов, преимущественно стереотипное воспроизведение образов и пр.

Анализ фольклорного материала позволил выявить сформированную и прочно закреплённую в восточнославянском волшебном сказочном фольклорном фонде Сибири и Дальнего Востока систему представлений об образовании и образованности как несомненной ценности.

В волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока преобладает присущее крестьянству элементарное представление об образовании и образованности мужчин и женщин. Это представление замыкается на понимание значимости образования, половой принадлежности, возрасте и социальном статусе обучающихся, продолжительности обучения, хорошей учёбе, быстром усвоении навыков или крайне редко встречающемся нежелании

учиться, которое осуждается. Получение образования и образованность в одних текстах имеет привязку к социальному статусу, в других нет, однако представление о возрасте, в котором следует учиться, стабильно, как в целом зафиксировано и соотнесение с половой принадлежностью персонажей (учатся преимущественно мальчики, для девочек в этом нет необходимости, об обучении взрослых мужчин и женщин не упоминается). Образование вписано в систему межличностных отношений в семье: предоставляя возможность учиться, родители проявляют заботу о детях. Показательно, что об образовании родных и приёмных детей заботятся только отцы (в чём явно просматривается влияние патриархальной семьи), а посторонние мужчины советуют родителю дать образование своим сыновьям. В традиционном восприятии, отражённом в волшебной сказке, понимание ценности образования женщинам не приписывается. В менталитете восточнославянских этносов чётко прослеживается убеждение, что учёбу нужно оплачивать, обеспечить её своим детям может только платёжеспособный отец. Как только в семье появляются большие деньги, их непременно нужно вложить в образование сыновей (после удовлетворения потребностей членов семьи в пище и одежде).

Необходимо обратить внимание на такой факт: если об обучении детей заботится отец, то получаемое образование ценным является прежде всего для ребёнка, именно благодаря ему он может добиться в жизни того же, что и родитель, и даже большего (если у отца низкий социальный статус). Для обладателей низкого (крестьян) и среднего социального статуса (купеческих детей) ценность образования заключается в возможности обеспечить себя в жизни. Таким образом, полученный в детстве интеллектуальный ресурс должен в результате привести к улучшению материального положения взрослого персонажа. Такой ценностный ориентир отчётливо прослеживается в проанализированных текстах. Для обладателей высокого социального (царевичей, царевен) образование и образованность прежде всего предоставляют возможность соответствовать своему кругу; в случае необходимости (если герой попадает в сложную жизненную ситуацию) образование становится таким же источником дохода, как и для обладателей низкого и среднего социального статусов.

Видимо, именно со спецификой развития сюжетной линии связан ещё один момент. В сказках материальная значимость образования, которое дают сыновьям, для родителей не очевидна: дети уходят из дома и начинают править в царстве тестя. Отдачи от образования, данного детям, родители не имеют. Возможно, в этом проявляется один из аспектов мировосприятия восточнославянских этносов: то, что родители дают своим детям, делается прежде всего для детей и для дальнейшего благополучия последующих поколений семьи, а не для получения некоей выгоды.

В небольшом количестве текстов об образовании героев заботится царь (дети рождены служанкой, не состоящей с их отцом в законном браке, или животным). Но царь даёт образование персонажам потому, что оценил имеющиеся у них способности и хочет, чтобы эти способности, к которым будет добавлен интеллектуальный ресурс, служили на пользу государства. Образование, необходимое детям, приобретает значимость и в масштабах государства — эта мысль чётко прослеживается в проанализированных текстах.

Об учителях говорится крайне редко: процесс обучения происходит как будто бы без них. Перечень навыков, которым обучены мужчины, весьма широк (в традиционном восприятии): это владение письмом и чтением, знание иностранных языков, игра на музыкальных инструментах и пение, картография (т.е. превалируют навыки, находящиеся в рамках гуманитарного образования). Женщины же могут только писать и читать, о владении иными навыками, как правило, не сообщается.

В восточнославянском сказочном фонде Сибири и Дальнего Востока образование и образованность мужчин и женщин оцениваются положительно. Неграмотность мужчин воспринимается как негативное явление лишь в том случае, если в конкретный момент персонаж должен обнаружить грамотность (которая сводится к умению читать). Любопытно, что женская неграмотность недостатком не является, внимание на этом не акцентируется. Если же проявление образованности персонажем (как мужским, так и женским) в определённый момент не было нужно, то о нём вовсе и не упоминается: образование и образованность сами по себе, без привязки к конкретной жизненной ситуации, без возможности извлечь выгоду, ценности не представляют. Как следует из региональных сибирских и дальневосточных фольклорных текстов, навык чтения мужчинам более необходим, чем владение письмом, для женщин же более значимо умение писать.

Арифметика, судя по фольклорным текстам, не входит в число навыков образованного мужчины, в отличие от навыков чтения и письма на родном языке и говорения на иностранных языках (как не считается она и в атрибуте образованной женщины). О владении персонажами арифметикой как таковой в фольклорных текстах не упоминается (при этом счёт предметов или персонажей иногда важен для развития сюжетной линии). В традиционном представлении умение считать было элементарным навыком и показателем образованности не считалось.

Представления об образовании и образованности хотя и являются второстепенными сказочными мотивами, всё-таки получили в волшебной сказке Сибири и Дальнего Востока довольно широкую реализацию. Для сравнения, в русских волшебных сказках других регионов они используются в меньшем объёме (например, не столь популярно владение иностранными языками) и в меньшем количестве, чем в сибирских

и дальневосточных сказочных текстах. В сказках волжского региона эти мотивы функционируют в том же континууме, что и в сказках Сибири и Дальнего Востока: в них стабильно обучение в школе мальчиков (преимущественно письму и чтению), причём из богатых семей, высокого социального статуса, обозначен возраст, в котором заканчивается обучение; письма, как и в сибирских текстах, выполняют информативную функцию. В сказках Русского Севера (например Водлозерья) мотивы образования и образованности почти не используются: нами был встречен традиционный русский мотив надписи на столбе. Нестабильное по частотности использование мотивов образования и образованности связано с рядом причин, среди которых частотность исполнения (и фиксации) сюжетов, усвоенная от предшественников традиция и способность к переводу мотива из одного сюжета в другой (с привязкой к схожему типу персонажа) и, безусловно, разница менталитетов восточнославянских этносов разных регионов (представляется, что для сибирских текстов значим особый контингент сказочников — образованных каторжан, которые за кусок хлеба рассказывали сибирякам сказки).

Межличностные отношения входят в число компонентов, формирующих то уникальное, что присуще фольклорному фонду каждого народа, несмотря на схожие / заимствованные / усвоенные / переработанные сюжеты и образы, а мотивы образования и образованности мужчин и женщин хотя и относятся к группе второстепенных, работают на создание межличностных отношений персонажей. По сути своей образование мальчиков и девочек служит формированию их образов, в меньшей степени это проявляется у мужчин и женщин. Образованность мужчин и женщин замыкается преимущественно на утилитарную функцию: получение пользы, которую могут принести обладателю или обладательнице образованности навыки. Навыки письма и чтения помогают мужчинам и женщинам информировать других или получать информацию самим о произошедших, происходящих или могущих произойти в будущем событиях.

Всё вышеизложенное не оставляет сомнений в ценности традиционной духовной культуры восточных славян Сибири и Дальнего Востока — важной составляющей интеллектуального потенциала нашего региона. Сказочный фольклорный фонд как компонент культурного и образовательного потенциала транслирует формирующуюся на протяжении веков систему ценностей восточнославянских этносов, способствует сбережению не только самой системы, но и её первостепенной значимости в восприятии современников, сохранению национального духа. При этом он выполняет роль барьера от внедрения явлений чужих культур в сознание россиян, а значит, и от трансформации сознания, когда чужое перестаёт быть чуждым и ставится выше своего, родного, минуя важный для культуры и в культуре этап усвоения в переработанном под существующую традиционную систему ценностей виде.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Альхименко О.Н. Интеллектуальный потенциал: анализ составляющих компонентов и их количественная оценка // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2013. № 3. С. 75—83.
2. Зайцева Т.А. «Культурный потенциал» в ряду категорий обществознания // Вестник Челябинского университета. 2008. № 32. С. 114—118.
3. Классическая социальная психология: учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. Е.И. Рогова. М., Ростов-на-Дону: Изд. центр «МарТ», 2008. 416 с.
4. Краюшкина Т.В. Специфика выражения эмоций (на материале русских народных волшебных сказок Дальнего Востока) // Россия и АТР. 2009. № 2. С. 159—164.
5. Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р.П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1979. 303 с.
6. Русские народные сказки Сибири о чудесном коне / сост. Р.П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1984. 335 с.
7. Русские сказки Восточной Сибири / сост. Е.И. Шастина. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 464 с.
8. Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: волшебные и о животных / сост. Р.П. Матвеева, Т.Г. Леонова. Новосибирск: Наука: Сиб. издат. фирма, 1993. 352 с.
9. У ключика у гремучего: Дальневосточный фольклор / сост. Л. Свиридова. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1989. 255 с.

REFERENCES

1. Al'himenko O.N. Intellektual'nyj potencial: analiz sostavlyayushchih komponentov i ih kolichestvennaya ocenka [Intellectual potential: the analysis of the components and their quantitative assessment]. *Vestnik Rossijskogo ehkonomicheskogo universiteta im. G.V. Plekhanova*. 2013, no. 3, pp. 75—83. (In Russ.)
2. Zajceva T.A. "Kul'turnyj potencial" v ryadu kategorij obshchestvoznaniya ["Cultural potential" in a number of categories of social science]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta*. 2008, no. 32, pp. 114—118. (In Russ.)
3. *Klassicheskaya social'naya psihologiya* [Classical social psychology] / ed. by E.I. Rogov. Moscow, Rostov-on-Don, Izd. tsentr "MarT" Publ, 2008, 416 p. (In Russ.)
4. Krajushkina T.V. Specifika vyrazhenija jemocij (na materiale russkih narodnyh volshebnyh skazok Dal'nego Vostoka) [Specificity of expression of emotions (a case study of Russian folk fairy tales of the Far East)]. *Rossija i ATR*, 2009, no. 2, pp. 159—164. (In Russ.)
5. *Russkie narodnye skazki Sibiri o bogatyryah* [Russian folk tales of Siberia about the heroes] / ed. by R.P. Matveeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 303 p. (In Russ.)
6. *Russkie narodnye skazki Sibiri o chudesnom kone* [Russian folk tales of Siberia about a miraculous horse] / ed. by R.P. Matveeva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984, 335 p. (In Russ.)
7. *Russkie skazki Vostochnoj Sibiri* [Russian fairy tales of Eastern Siberia] / ed. by E.I. Shastina. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1985, 464 p. (In Russ.)
8. *Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: volshebnye i o zhivotnyh* [Russian tales of Siberia and the Far East: fairy tales and about animals] / ed. by R.P. Matveeva, T.G. Leonova. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 352 p. (In Russ.)
9. *U klyuchika u gremuchego: Dal'nevostochnyj fol'klor* [By a rattling spring: Far Eastern folklore] / ed. by L. Sviridova. Vladivostok, Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 255 p. (In Russ.)